

Что касается личности убийцы, сейчас им было не до того. Великий замысел праведников Секта Тайхан предпочла оставить, даже если это означало навлечь на себя позор. Два дня — уже более чем достаточно, чтобы соблюсти приличия перед Главой Альянса Улинь и Союзом Шоцзянь. Теперь никто не мог их остановить.

Однако Союз Шоцзянь привёл последнего врача, которого ещё не пробовали, и преградил путь Секте Тайхан...

Авторское примечание:

Ежедневно благодарю всех ангелочков, что оставляют комментарии и добавляют в закладки~(□▽□)/~

Этим последним человеком, конечно же, была Вань Цзюньи.

Разумеется, она и двое её младших братьев по учёбе вернулись не для того, чтобы выручить Тайхан из беды, а потому что третий день Собрания Героев приближался, и Цзян Чжао должна была вот-вот появиться. Вань Цзюньи несла поручение от учителя и должна была встретиться с Цзян Чжао, понимая, что эта встреча, вероятно, станет первой и последней.

Они поспешно вернулись в Фэнчэн, но у городских ворот их остановили люди из Союза Шоцзянь.

Союз Шоцзянь, видимо, опасался, что к Цзян Чжао придёт подмога, поэтому ночной досмотр вёлся крайне строго. У них не только сверили записи о выезде из города и документы, но и принялись расспрашивать о личных делах.

К счастью, скрывать было нечего, и Вань Цзюньи рассказала им всё о событиях в Деревне Хвост Феникса. Эти сведения дошли до Хэ Чжимина, который как раз вёл людей, чтобы задержать Секту Тайхан. Подобная удача была весьма кстати.

Поэтому Хэ Чжимин почтительно пригласил их в Восточную Башню Дерева. Хотя Вань Цзюньи была измотана, от спасения жизней она не отказывалась никогда, тем более когда речь шла о последователях Секты Тайхан, известной своим рыцарским духом.

Однако она отправила Шао Цзые известить старшую сестру-ученицу о благополучном возвращении, оставив при себе лишь младшего брата.

Шао Цзые поначалу не хотел уходить, но по настоянию сестры был вынужден отправиться в одиночку.

Причин было две: во-первых, о возвращении действительно следовало сообщить старшей сестре, а во-вторых, Вань Цзюньи чуяла, что с историей в Деревне Хвост Феникса что-то нечисто. К тому же, едва вернувшись, они тут же наткнулись на Секту Тайхан, отчаянно ищущую врача. Будучи неглупой, она не могла не заподозрить связь между этими двумя событиями. Был ли Шао Цзые замешан? Точного ответа у неё не было, поэтому она решила удалить его, дабы «подстелить соломки».

Глава Секты Тайхан Цинь Чэн был мрачен. Он смотрел на преградившего путь Хэ Чжимина и приведённого им врача, не проронив ни слова.

Честно говоря, Цинь Чэн уже потерял веру во врачей из мира рек и озёр. За эти два дня являлось немало людей, с виду — отшельники, глубокие знатоки медицины, но никто не мог справиться с ядом. Как же он мог поверить этой юной, уставшей девушке и рискнуть драгоценным временем?

— Брат Цинь, сделай мне одолжение, попробуй ещё раз. Эта... госпожа врач прибыла из Деревни Хвост Феникса, где только что излечила тамошнюю эпидемию. А болезнь та была лютой, целой вехой в медицинском искусстве. Многие врачи оказались бессильны, бежали от неё как от чумы — столкнуться с ней означало почти верную смерть.

Хэ Чжимин так расхвалил её, что Вань Цзюньи даже покраснела, но в ушах Цинь Чэна его слова прозвучали как повод попробовать.

Цинь Чэн не стал медлить — времени и так было в обрез. Он взмахнул рукой, велел ученикам вернуться с носилками, затем сложил руки и склонил голову перед Вань Цзюньи, искренне сказав:

— Потрудитесь, госпожа врач.

Тут же он выпрямился и, сложив руки в кулак, обратился к Хэ Чжимину:

— Благодарю, брат Хэ.

И, не дожидаясь ответа Хэ Чжимина, Цинь Чэн поспешно пригласил Вань Цзюньи и её спутника в Восточную Башню Дерева, оставив Хэ Чжимина с невысказанными словами на устах.

Впрочем, главное было — задержать Тайхан, так что он не стал придираетсяя.

Но раз уж рот открыт, нельзя же просто так его закрыть. Поэтому Хэ Чжимин обернулся к ученикам Союза Шоцзянь, велел им бдеть у входа, и уже собрался ступить в башню, как острый глаз его уловил тень старой лисы. Нога его замерла на полпути.

— Глава Альянса Улинь, неужто вновь изволили прогуляться в ночи? — с улыбкой обратился Хэ Чжимин к появившемуся перед ним в мгновение ока Лянь Хэнсину.

Лянь Хэнсин был красив, как яшма, учён, словно пять телег книг, и при этом — непревзойдённый мастер боевых искусств. В юности, от скуки, он странствовал по рекам и озёрам, творя правосудие и стяжав славу. В двадцать лет женился на потрясающей мир талантливой поэтессе Инь Юньши — пару их называли небожителями-спутниками. Спустя пару лет они обрели драгоценную дочь, а ещё через пару лет на Собрании Альянса Улинь он превзошёл всех цветов и занял пост Главы Альянса, пробыв на нём два срока подряд.

Ныне ему давно перевалило за сорок, и годами он был ровесником Хэ Чжимина, но лицо его, казалось, не старело — по-прежнему статный и прекрасный, без единой морщинки.

Порой Хэ Чжимину хотелось спросить этого старца: какую же демоническую технику ты практикуешь, что лицо не стареет? Но всякий раз, встречаясь с ним и видя его улыбку, в голове у Хэ Чжимина натягивалась струна, причиняя ноющую боль.

Лянь Хэнсин и впрямь явился с улыбкой и ответил:

— Виды здесь превосходные, лунный свет приятен.

Услышав это, Хэ Чжимин дёрнулся уголком глаза, скользнул взглядом по небу — ни лунного света, ни звёзд, лишь облака плывут.

— Ха-ха-ха, Глава Альянса, вы и впрямь ценитель изящного, — не переставая льстить, произнёс он.

— И вы, господин Хэ, не промах. В сумраке ночи любоваться облачной башней, под осенним ветром наслаждаться лотосами. Ваше изящество простым смертным недоступно.

Едва слова прозвучали, как бровь Хэ Чжимина дёрнулась: он-то уловил, что плут поддевает его за «слепоту». Досадно, что возразить нечем — ну не станешь же напрямую заявлять: «Вы, старец, в такую-то тьму кромешную любуетесь лунным светом, глаза что ли выпали?» Посему он лишь усмехнулся.

Однако ученики Союза Шоцзянь, не в силах видеть, как их добродушный старший товарищ оказывается в дураках, с сомнением пробурчали:

— Э? А где же сияющая луна?

Вопросом это не было, скорее — тихим ворчанием, но для мастеров боевых искусств оно прозвучало как барабанный бой у самого уха.

— Если небо не рассеет тьму, к чему людям радеть о глазах? — Лянь Хэнсин ловко ответил, вложив в слова скрытый смысл.

Услышав это, Хэ Чжимин нахмурился, почуяв в речах Лянь Хэнсина подвох, но сразу разгадать его не сумел.

Лянь Хэнсин не стал дожидаться, пока тот сообразит. С улыбкой он сложил руки в прощании и бесшумно удалился.

Лишь когда тот скрылся вдали, Хэ Чжимин наконец отреагировал, крикнув во всю глотку:

— Глава Альянса, а луной больше не любуетесь?

Слова его унёс ветер, а в ответ донеслось:

— Нет уж, нет, оставляю это вам, господин Хэ, подшучивать над Чанъэ.

И с этими словами тень исчезла.

Хэ Чжимин украдкой закатил глаза и, не мешкая более, ступил в Восточную Башню Древа.

...

Вань Цзюньи последовала за главой Секты Тайхан вверх. По пути на неё обрушилось множество взглядов — большей частью восхищённых её чистотой и изяществом, но некоторые пытались разгадать её связь с Тайхан. Однако вскоре эти взгляды исчезли, когда они достигли этажа, где располагалась Обитель Дунхуан.

Место, где пребывала Обитель Дунхуан, даже при всей своей резной тонкости и золотой роскоши, сохраняло атмосферу утончённого покоя. Так и сейчас: тихая, изящная мелодия, звонкое чтение стихов, двери, скрывающие от посторонних глаз, но не способные удержать ветер вдохновения.

Стражей здесь не было, лишь один человек стоял у лестницы, сложив руки за спиной.

Увидев его, Цинь Чэн изобразил на лице удивление, сложил руки и поприветствовал:

— Господин Дункуй.

Дункуй-цзы слегка улыбнулся, не отвечая на поклон, и перевёл взгляд на Вань Цзюньи. Выражение его лица не изменилось, но в глазах промелькнула искорка мысли — что он задумал, оставалось тайной.

— Глава Цинь, ученики Тайхан сегодня ночью будут вне опасности, — уверенно заявил он, отводя взгляд с Вань Цзюньи на Цинь Чэна.

Цинь Чэн не понимал, на чём основаны его слова, но из вежливости ответил:

— Благодарю за доброе предсказание, господин Дункуй. Если ученики будут невредимы, этот старый даос непременно явится лично возблагодарить вас.

Услышав это, Дункуй-цзы улыбнулся, отступил в сторону и жестом пригласил пройти.

Цинь Чэн вновь сложил руки в поклоне и повёл Вань Цзюньи наверх.

Не достигнув вершины, они услышали, как снизу донеслась строфа:

— Одинокий челн в морях и небесах гонится за зелёным следом, не ведая далёких краёв, не ведая вкуса.

— Солнце отдыхает, луна падёт — мечта обретает опору, завидую Сорочьему мосту, завидую фиалке, — тихо подхватила Вань Цзюньи, и в сердце её неожиданно возникла странная тоска, причина которой была ей неясна.

Цинь Чэн бросил на неё взгляд — смысл стиха вызвал у него любопытство, но сейчас было не время для праздных изысков, и он оставил это.

Вскоре они в молчании достигли места, где расположились тайханцы. Ученики уже всё подготовили.

Глядя на эти ряды и шеренги, суровое лицо Цинь Чэна не могло скрыть печали. Лежащие здесь были детьми, которых он растил с молодых ногтей, кровью и плотью Тайхан. Они пришли сюда, радостные, дабы истреблять демонов, защищать Дао и обогатить познания. Кто мог знать, что их ждёт такая участь? Знай он — ни за что бы не привёл их сюда...

— Госпожа врач, умоляю вас, — скрыв скорбь, Цинь Чэн повернулся к Вань Цзюньи и совершил глубокий поклон.

Вань Цзюньи, тронутая, подняла его и торжественно произнесла:

— Глава, не нужно. Врач по долгу своему сделает всё возможное, чтобы спасти жизни и помочь страждущим.

— Благодарю, благодарю...